

Содержание

ПРОЛОГ
Первая птица
11

I
Фауст наоборот
31

II
“Рукописи не горят”
135

III
Год Зеро
193

IV
*Хочешь быть любимым –
попадешь в ловушку*
309

V

*“Так долго внизу, что низ
уже кажется верхом”*

385

VI

*Почему невозможно
сфотографировать пампасы*

460

VII

Полный грузовик дерьма

565

VIII

*Мистер Утро
и мистер День*

654

IX

*Его миллениаристская
иллюзия*

766

X

В отеле “Хэлсион”

829

ОТ АВТОРА

859

I

Фауст наоборот

Когда он был маленьким, отец рассказывал ему на ночь великие легенды Востока, рассказывал снова и снова, переиначивал и переделывал на собственный лад сказки “Тысячи и одной ночи”, сочиненные Шехерезадой ради победы над смертью, ради того, чтобы доказать способность слова обуздать и одолеть даже кровожаднейшего из тиранов; и волшебные повести о животных из “Панчатантры”; и низвергавшиеся водопадом чудесные истории “Катхасаритсагары” — “Океана рек-повестей”, берущего исток в древности Кашмира, там же, куда уходил корнями его род; и легенды о могучих героях из “Хамзанама” и “Похождений Хатима Таи” (об этом Хатиме был еще фильм, в котором к каноническому повествованию добавились новые увлекательные подробности, немало послужившие украшению вечерних отцовских рассказов). С младенчества купаясь в этих сказаниях, он выучил на всю жизнь два урока: первый — что всё в них неправда (ведь “в жизни” не бывает джинов в бутылках, ковров-самолетов и волшебных ламп), но при всей неправдивости они открывают его чувствам и знанию такую правду, какой не открыли бы самые правдивые рассказы; и второй урок — что эти сказания принадлежат

ему так же, как отцу и кому угодно вообще, и что все эти истории, радостные и мрачные, о божественном и о земном, он имеет полное право — такое же, какое имел отец, — как и когда заблагорассудится переделывать и пересочинять по-новому, предавать забвению и извлекать из небытия, смеяться и радоваться им, жить в них, ими и с ними, своею любовью вдыхать в них жизнь и взамен питать ими свою жизнь. Склонность рассказывать делает человека человеком, единственным на свете созданием, рассказывающим себе истории, чтобы понять, что он как создание собой представляет. Рассказывание принадлежит человеку по неотъемлемому праву рождения.

Его матери, Негин, тоже был что порассказать. В девичестве Негин Рушди звалась Зохой Батт. Став женой Аниса, она поменяла не только фамилию, но и имя, заново себя для него вылепила, оставила в прошлом ту Зохру, о которой ему было неприятно думать, потому что она пылала когда-то любовью к другому мужчине. Он не знал, Зохой или Негин называет себя мать в потаенной глубине души, потому что она никогда не рассказывала ему о мужчине из прошлого, и вообще перемывать косточки другим ей нравилось гораздо больше, чем делиться собственными секретами. Сплетницей она была непревзойденной, и, сидя у нее на кровати, навалясь, как ей нравилось, на ее вытянутые ноги, старший ребенок и единственный сын Негин жадно впитывал смачные, а часто и малопристойные соседские слухи — они заполняли ее голову, подобно лесу исполинских семейных деревьев, нашептывающих каждое свое, переплетшихся ветвями, усыпанных сочными запретными плодами-сплетнями. Ему очень скоро стало понятно, что чужие тайны тоже принадлежат ему, ибо стоит матери поделиться с ним чужой тайной, та становится достоянием не только ее, говорившей, но и его, выслушавшего. Если что-то следовало сохранить в секрете, достаточно было сказать: *Никому*

об этом не говори. Это правило нашло применение и в его взрослой жизни. Когда он вырос и сделался писателем, мать сказала ему: “Я больше не буду тебе ничего рассказывать, потому что ты вставляешь мои рассказы в книги, и от этого у меня неприятности”. Она говорила правду, и, возможно, ей следовало бы перестать, но она страдала неодолимой тягой к сплетням, и отказаться от них было бы ей не проще, чем отцу завязать со спиртным.

Из дома на холме — Виндзор-вилла, Уорден-роуд, Бомбей-26 — открывался вид на море и на полоску города между морем и холмом; и да, его отец был богат, но всю свою жизнь только и делал, что проматывал деньги, и умер банкротом, оставив семье неоплаченные долги и значенную пачку рупий в верхнем левом ящике письменного стола — и больше ни пайса. Анис Ахмед Рушди (“Барристер, бакалавр Кембридж. у-нта” гордо сообщала медная табличка на стене у парадного входа Виндзор-виллы), единственный сын текстильного магната, унаследовал состояние отца, спустил его, остался без гроша и умер: за этой скупой канвой могла бы стоять счастливая жизнь, но его жизнь счастливой не была. Дети много чего за ним знали: что по утрам он бывал жизнерадостным, пока не побреется, а после того как лезвие “филишейв” завершит свое дело, становился раздражительным, — и поэтому старались не показываться ему на глаза; что, когда по выходным он возил их на пляж, по дороге туда он много смеялся и весело болтал, а на обратном пути только злился; когда он играл с их матерью в гольф в Уиллингдонском загородном клубе, ей, игравшей лучше, приходилось старательно проигрывать, потому что победить выходило себе дороже; что пьяным он отвратительно гримасничал, страшно искажал черты лица и очень их этим пугал, но никто, кроме них, этого никогда не видел, и никто их не понимал, когда они говорили, что отец “строит рожи”. Но пока

дети были маленькими, они засыпали вечером под его рассказы и, если слышали за дверью родительскую перебранку, если слышали, как плачет мать, ничего не могли с этим поделать. Они залезали с головой под одеяло и смотрели сны.

В январе 1961 года Анис повез тринадцатилетнего сына в Лондон, и там они с неделю, пока не начались занятия в Рагби, жили в гостинце “Камберленд” неподалеку от Мраморной арки. Днем они ходили по магазинам, покупали предписанные школьными правилами предметы туалета: твидовые пиджаки, фланелевые брюки, рубашки “Ван Хьюзен” с полужесткими пристегивающимися воротничками, к которым полагались запонки, — эти воротнички больно впивались в горло и не давали дышать. Пили шоколадные молочные коктейли в Лайонс-Корнер-Хаусе на Ковентри-стрит, а потом шли в кинотеатр “Одеон” у Мраморной арки смотреть какой-нибудь “Сущий ад в школе Святого Триниана”¹, и он тоскливо думал, что у него в школе девушек не будет. Вечером в кафе “Кардома” на Эджвер-роуд отец приобретал навynos курицу-гриль и заставлял его тайком проносить ее в гостиницу под своим двубортным, синего габардина макинтошем. Ночью Анис напивался, перед самым рассветом грубо расталкивал перепуганного сына и обрушивал на него поток брани, настолько похабной, что сыну не верилось, что отец может знать такие слова. Потом они поехали в Рагби, купили кресло с красной обивкой и распрощались. Анис сфотографировал сына на фоне жилого корпуса в бело-голубой, цветов общежитского братства, полосатой шапочке и пропахшем курицей-гриль макинтоше, и если глаза сына на снимке полны тоски, то не потому, что его отдали учиться на чужбину. Просто он не мог дожидаться, когда же наконец отец уедет и можно будет попытаться забыть гряз-

1 “Сущий ад в школе Святого Триниана” — эксцентрическая британская кинокомедия 1960 года об учениках вымышленной частной школы.

ную ночную ругань и беспричинные приступы отчаянной ярости. Ему хотелось вступить в будущее, оставив все плохое в прошлом, из чего, видимо, с неизбежностью следовало, что жизнь свою он постарается выстроить на максимально возможном удалении от отца, отгородясь от него океанами. Когда он окончил Кембриджский университет и сказал отцу, что собирается стать писателем, тот простонал: “И что я теперь скажу друзьям?”

Но девятнадцать лет спустя, на сороковой день рождения сына, Анис Рушди прислал ему собственноручно написанное письмо — и это был самый драгоценный читательский отзыв, равный которому никогда не получал и не получит ни один писатель. Отцу было семьдесят семь, и через пять месяцев он умер от множественной миеломы, рака костного мозга. Из письма явствовало, как внимательно он читал и как глубоко понимал книги сына, с каким нетерпением ждал выхода каждой следующей и как полнила его отеческая любовь, которую ему полжизни не удавалось выразить. Он успел порадоваться успеху “Детей полуночи” и “Стыда”, но книга, более прочих обязанная ему своим появлением на свет, его уже не застала. Быть может, это и к лучшему, потому что не застало его и порожденное книгой безумие; но если сын и был в чем-то абсолютно уверен, так это в том, что в битве вокруг “Шайтанских аятов” отец бы решительно и безоговорочно его поддержал. Если бы не отцовские мысли и не его вдохновляющий пример, роман, возможно, и не был бы написан. *Тебя папа с мамой с панталыку сбили?* Нет, какое там... Хотя, пожалуй что и сбили, но при этом позволили тебе сделаться именно той личностью, именно тем писателем, какими ты должен был стать.

Первым отцовским даром, подобным заключенному в герметичную капсулу посланию потомкам, даром, всю ценность которого он осознал лишь повзрослев, была фамилия. Звать-

ся “Рушди” придумал Анис; его же отец носил неудобопроизносимое староделийское имя Ходжа Мухаммад Дин Халик Дехлави, оно идеально подходило традиционной закалки джентльмену, старательно таращившему глаза с единственного сохранившегося фотоснимка, удачливому фабриканту, баловавшемуся на досуге писательством, обитателю рассыпавшегося от времени особняка-*хавели* в славном старинном квартале Баллимаран, лабиринте кривых улочек в окрестностях рынка Чандни-Чоук, на одной из которых жил Мирза Галиб, великий поэт, писавший на фарси и урду. Мухаммад Дин Халик умер молодым, оставив сыну состояние (которое тот промотал) и имя, с каким непросто было бы жить в современном мире. Анис взял себе фамилию “Рушди” в честь Ибн Рушда, на Западе известного как Аверроэс, — он преклонялся перед арабским философом из Кордовы, достигшим в Севилье высокой должности судьи-*кади*, переводчиком и авторитетным комментатором сочинений Аристотеля. Только прожив с этой фамилией двадцать лет, сын Аниса понял: отец, большой знаток ислама, лишенный при этом даже начатков религиозности, ценил Ибн Рушда за то, что тот в свое время стоял на переднем крае рационалистической полемики с исламским буквализмом; а еще двадцать лет спустя битвой вокруг “Шайтанских аятов” та восьмисотлетней давности полемика срезонировала в двадцатом веке.

“Во всяком случае, — утешал он себя, когда у него над головой разразилась буря, — в эту битву я вступаю с правильным именем”. Отец из-за гроба протянул ему знамя, под которым он готов был сражаться, знамя Ибн Рушда, твердо стоявшего за разум, диалог, анализ и прогресс, за свободу философии и образования от оков богословия, за здравый смысл против слепой веры, бездумной покорности и интеллектуального застоя. Никому не хочется идти на войну, но коль скоро война сама пришла к твоему порогу — хорошо, если она

праведная и ведется ради самого главного в жизни, и коль скоро ты решился драться — хорошо, если фамилия у тебя “Рушди” и отец укоренил тебя в традиции великого последователя Аристотеля — Аверроэса, Абуль Валида Мухаммада ибн Ахмада ибн Рушда.

Их с отцом голоса были очень похожи. Когда домой звонили отцовские друзья и он брал трубку, они начинали разговаривать с ним как с Анисом, а он, во избежание неловкости, торопился их остановить. Они с отцом были и внешне похожи, а когда в относительно благостные периоды отцовско-сыновних отношений они теплыми вечерами сживали на веранде, вдыхая аромат цветущих бугенвиллей и яростно споря о мироустройстве, обоим было ясно: несмотря на множество разногласий, склад ума у них абсолютно одинаковый. И роднило их в первую очередь отсутствие веры.

Анис был безбожником. Американцев такое признание до сих пор шокирует, европейцы не видят в нем ничего экстраординарного, а в большей части остального мира его просто не поймут: есть места, где трудно даже просто сформулировать идею *неверия*. Но таким уж он был — безбожником, который многое знал и много размышлял о Боге. Его завораживали обстоятельства рождения ислама, единственной из мировых религий, возникшей в эпоху письменной истории и основанной не легендарным персонажем, чья жизнь была воссоздана и прославлена “евангелистами” через сотню и больше лет после его смерти, адаптирована для глобального восприятия гениальным проповедником апостолом Павлом, — ее основал реальный человек, чей жизненный путь относительно подробно задокументирован, социальное и имущественное положение на разных этапах биографии хорошо известно, человек, который жил во времена мощного общественного сдвига, из сироты вырос в преуспевающего купца с мистическими наклонностями, и однажды на горе

Хира близ Мекки узрел архангела Джабраила, ногами стоящего на земле, а головой достающего до облаков, который велел ему “читать” и таким образом постепенно создать книгу, которая так и назовется *Коран*, то есть “Чтение вслух”.

От отца к сыну передалось убеждение, что обстоятельства рождения ислама интересны и увлекательны постольку, поскольку событие это было *историческим* и на него, соответственно, повлияли условия того времени, современные ему события и течения мысли; что единственно возможный подход к этой теме — поместить ее в исторический контекст, попытаться уяснить, каким образом под воздействием исторических реалий оформилась великая идея; что можно признавать реальность мистика Мухаммада — точно так же, как можно признавать, что Жанна д'Арк действительно слышала руководившие ею голоса, а откровения святого Иоанна Богослова были его “подлинным” душевным опытом, — и при этом не обязательно верить, будто всякий, кто оказался бы в тот день рядом с Пророком на горе Хира, вместе с ним увидел бы архангела. Если рассматривать ниспосланное Пророку откровение как событие субъективное, целиком относящееся к его внутренней жизни, а не к объективной реальности, то и полученный через это откровение текст, наравне с любым другим текстом, открыт изучению критическими, литературоведческими, историческими, психологическими, лингвистическими и социологическими методами. Короче говоря, этот текст следует считать человеческим произведением, подобно всякому человеческому произведению несовершенным и не свободным от ошибок. По знаменитому определению американского литературного критика Рэндалла Джаррелла, роман — это “длинное прозаическое произведение, в котором что-то не так”. Анису, как он полагал, было понятно, что не так с Кораном: в него местами закралась путаница.

Как гласит предание, спустившись с горы, Мухаммад начал произносить отрывки текста — сам он, видимо, был неграмотным, — и тот из ближайших сподвижников, кто оказывался поблизости, записывал его изречения на всем, что попадалось под руку (на пергаменте, камне, коже, бумаге и даже, говорят, на костях). Записи складывали в сундук в доме Пророка; когда же он умер, сподвижники собрались, чтобы определить порядок, в каком должно быть изложено откровение; результатом их трудов и стал канонический текст Корана. Для того чтобы признать этот текст “безупречным”, читатель должен верить, что: а) архангел, передавая слово Божье, ни разу не ошибся, в чем больших сомнений не возникает, поскольку архангелам, как принято считать, ошибаться несвойственно; б) Пророк, или, как он сам себя называет, Посланник, слово в слово запомнил сказанное архангелом; в) сподвижники, на протяжении двадцати трех лет записывая откровения, всякий раз поспешно, также не наделали ошибок; и, наконец, г) когда они собрались, чтобы придать тексту окончательный вид, коллективная память не подвела их в том, что касается последовательности изложения.

Пункты а), б) и в) Анис Рушди оспаривать не пытался. А вот согласиться с пунктом г) ему было труднее: всякий, кто читал Коран, легко заметит в нескольких главах, или суррах, явную непоследовательность повествования, когда развитие некоей темы вдруг прерывается, а потом она ни с того ни с сего всплывает в одной из следующих сур, в которой до того момента говорилось совсем о другом. Анис долго вынашивал замысел разобраться со всеми нестыковками и таким образом получить более стройный и удобочитаемый текст. Следует заметить, что замысла своего он ни от кого не скрывал и часто обсуждал его за ужином с приятелями. Ему и в голову не приходило, что его предприятие может

быть связано с риском, никакого предвкушения опасности у него не возникало. Видимо, времена тогда были другие и увлечение подобными идеями еще не грозило репрессиями, или просто Анис всецело доверял своему окружению, или был по недомыслию слишком наивен. Но детей своих он приучил самостоятельно искать ответы на интересующие их вопросы, не признавая запретных тем и не считаясь с табу. Приучил к тому, что всё на свете, в том числе и Священное Писание, можно подвергнуть исследованию и, если выйдет, улучшить.

Замысла своего он так и не воплотил. Когда он умер, задуманного текста в его бумагах не было. Последние годы прошли у Аниса под знаком алкоголя и деловых неудач, почти не оставлявших времени и желания впрягаться в углубленные коранические штудии. Но пусть даже планы исправления Корана были всего лишь абстрактной мечтой или же пустым, замешанным на виски бахвальством, они так или иначе оставили след в душе его сына. Вторым великим даром Аниса его детям был бесстрашный скептицизм, сочетавшийся с почти полным отсутствием религиозности, что, впрочем, не мешало соблюдать отдельные формальные предписания культа. В семье Рушди не ели “мяса свиньи”, на обеденном столе было не встретить ни запрещенных “обитателей суши и моря, поедающих мертвечину”, ни карри с креветками, как его готовят в Гоа. Изредка члены семьи отправлялись в мечеть и, как положено, преклоняли колени. Один-два раза в год они постились во время Рамазана — так, а не Рамаданом, называют этот месяц индийские мусульмане, говорящие не на арабском, а на урду. Однажды совсем ненадолго в доме завелся *мавлavi*, ученый-богослов, уменьшенная копия Хо Ши Мина — Негин наняла его обучать безбожных детей начаткам веры. Но когда безбожные дети взбунтовались и принялись так немилосердно изво-

дить *мавлави*, что тот сокрушенно пожаловался родителям на непочтительное отношение их отпрысков к великим святыням, Анис с Негин только посмеялись и встали на сторону детей. *Мавлави* в результате исчез навсегда, на прощание осыпав глухими проклятиями нечестивцев, чье религиозное образование на этом и прекратилось. Безбожные дети росли законченными безбожниками, что никого, во всяком случае на Виндзор-вилле, не смущало.

Первым, что он со всей ясностью осознал, едва в своем габардиновом макинтоше и бело-голубой шапочке общежития Брэдли-Хаус распрощался с отцом и окунулся с головой в английскую жизнь, было то, что за ним числится грех *чужеродности*. До того момента он и не подозревал, что может для кого-то оказаться Другим. Школа Рагби преподавала ему урок, которого он с тех пор никогда не забывал и который заключался в том, что всегда найдется кто-нибудь, кто тебя невзлюбит, для этих людей ты будешь чужаком навроде маленьких зеленых человечков или внегалактической мыслящей слизи, и пытаться влиять на их отношение к себе совершенно бессмысленно. Потом он прошел урок отчуждения еще раз, уже при гораздо более драматичных обстоятельствах.

В английской закрытой школе начала 1960-х, быстро обнаружил он, три вещи засчитывались за грубую ошибку, причем совершивший две ошибки из трех мог рассчитывать на прощение. Предсудительным являлось: быть иностранцем, быть умным, посредственно играть во всякие игры. Умные иностранцы прекрасно чувствовали себя в Рагби, если при этом виртуозно орудовали крикетной битой или, например, ходили на его одноклассника Зия Махмуда, который настолько преуспел в картах, что стал одним из сильнейших

в мире игроков в бридж. Мальчикам, не блещущим в спорте, надлежало приложить все усилия, дабы не оказаться слишком умными и, по возможности, слишком уж иностранцами, то есть не допустить третьей, грубейшей ошибки.

Он же — умный неспортивный иностранец — был трижды виноват. По этой причине годы учебы выдались у него довольно безрадостными, хотя науки он постигал весьма споро и из Рагби вышел с твердым ощущением, что ему дали превосходное образование, и с той благодарной памятью о выдающихся учителях, которую, если повезет, мы проносим через всю свою жизнь. П. Дж. Льюис привил ему столь пылкую любовь к французскому языку, что за один семестр он выбился из последних в первые ученики; благодаря мудрому попечительству историков Дж. Б. Хоуп-Симпсона и Дж. У. Хила он получил стипендию для обучения истории в бывшей альма-матер отца, кембриджском Кингз-колледже, где он с некоторой разницей во времени познакомился с Э. М. Форстером и открыл для себя секс. (Несколько, возможно, менее ценной заслугой Хоуп-Симпсона стало то, что именно благодаря ему он прочел “Властелина колец”, поразившего его сознание подобно болезни, от которой он так никогда и не сумел исцелиться.) Престарелый преподаватель английской словесности Джефффри Хелливелл на следующий день после той самой *фетвы*, сочувственно покачивая головой, с дурашливым недоумением в голосе вопрошал с британских телеэкранов: “И кто бы мог подумать, что этот милый, скромный мальчик угодит в такую ужасную переделку?”

Никто не заставлял его ехать учиться в Англию. Негин идея отправить единственного сына за моря-океаны не нравилась никогда. Анис предложил ему этот вариант в ряду прочих и посоветовал сдать общий вступительный экзамен, но даже после того как он не без блеска экзамен выдержал и обеспечил себе зачисление в Рагби, решение ехать